

МУЗЕИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

в 1917—1934 гг.

А. Б. ЗАКС

С проблемой культурной революции в СССР и с развитием советской исторической науки органически связана история одного участка культурного фронта, к сожалению, нередко остающегося в стороне от внимания ученых. Речь идет о советских музеях, в частности, музеях исторического профиля. А между тем их научно-исследовательская и экспозиционная работа являлась значительным вкладом в историческую науку, содействовала широкой популяризации ее достижений, вводила в научный оборот новые источники.

Цель настоящей статьи — на некоторых примерах из жизни крупнейших советских музеев исторического профиля дать представление об их научной деятельности в первый период развития советской исторической науки (1917—середина 1930-х гг.), который был одновременно периодом становления советского музееведения.

Уже в первые годы и даже месяцы своего существования Советская власть уделяла музеям большое внимание. В. И. Ленин указал на необходимость следить за тем, «чтобы не распались музеи»¹. 3 ноября 1917 г. Народный комиссариат просвещения обратился к рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России с воззванием, в котором говорилось о необходимости беречь оставшиеся от прошлого культурные ценности, в том числе музеи, «полные предметов редких и прекрасных, поучительных и возвышающих душу». Задача не только сберечь сокровища культуры, но и сделать их достоянием широких народных масс была выдвинута в программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии.

В связи с национализацией из бывших владений дворянства и буржуазии было изъято громадное количество произведений прикладного и декоративного искусства, коллекций живописи и т. п. Для сохранения этих ценностей и организованной передачи их в музеи был создан Государственный музейный фонд².

Старые музеи, существовавшие до революции, быстро пополнялись новыми материалами. Одновременно возникало множество новых музеев. Если до 1917 г. в России насчитывался 151 музей, то в 1923 г. (по неполным данным) — 401³. Были поставлены под охрану государства и превращены в музеи наиболее ценные памятники архитектуры, дворцы, усадьбы и особняки, представлявшие собой интерес благодаря хранящимся в них коллекциям или бытовым ансамблям. Стали создаваться историко-революционные музеи в Москве, Петрограде и на местах⁴. Начало 20-х годов было ознаменовано необычайным оживлением на музейном фронте. XII партийная конференция (август 1922 г.) отметила рост культурных потребностей народа и жажду знаний как «характерный признак данного этапа революции» и призывала развить и улучшить просветительно-воспитательную работу⁵. В музеи пришел новый посетитель. Если за 30 лет до 1917 г. московский Исторический музей посетили 19 экскурсий из рабочих, крестьян и служащих, то за один 1922 г. было 220 таких экскурсий⁶. Для обслуживания потока посетителей, устремившихся в музеи, чтобы посмотреть на недоступные им ранее памятники культуры, искусства, увидеть реликвии революционной борьбы, в музеях создавались отделы «открытых дверей», «популяризации». Первая конференция музейных работников, созванная в 1919 г. в Петрограде, поставила вопрос о создании единой музейной сети и о «выяснении принципов, которые должны лечь в основу музейного строительства»⁷.

Музеи приступили к обсуждению направления своей деятельности, к выработке программ, в которых делались попытки сочетать требования, выдвигавшиеся перед музеями как культурно-просветительными учреждениями, и задачи, стоявшие перед исторической наукой. Однако

¹ Слова В. И. Ленина приведены А. В. Луначарским (см. «Искусство», 1929, № 1—2, стр. 23).

² В. К. Гарданов. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.), «История музейного дела в СССР», сб. статей, вып. 1, М., 1957.

³ «История музейного дела в СССР», вып. 1, стр. 29—30.

⁴ В 1919 г. были основаны Петроградский музей революции и Музей Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Москве, а затем и Музей Красной Армии в Петрограде. 20 декабря 1920 г. состоялось Постановление ЦК РКП(б) об организации Музея К. Маркса и Ф. Энгельса; в 1923 г. в Москве открылся Историко-революционный музей, превращенный в 1924 г. в Музей революции СССР. В том же году XIII съезд партии поручил Центральному Комитету «заботиться устройством при Институте В. И. Ленина музейного отделения».

⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, М., 1953, стр. 673.

⁶ «Отчет Гос. Исторического музея за 1916—1925 гг.», М., 1926.

⁷ ГАОР ЛО, ф. 2555, оп. 1, д. 662, л. 62.

программы двух наиболее крупных музеев исторического профиля — Государственного исторического музея (далее ГИМ) в Москве и созданного в 1918 г. в Петрограде на базе коллекций Русского музея Историко-бытового отдела (далее ИБО) — свидетельствуют о том, что концепции буржуазной историографии были еще далеко не преодолены. Это объяснялось в значительной мере составом ведущих сотрудников этих музеев. Как известно, Коммунистическая партия и Советское правительство наряду с подготовкой новых кадров историков привлекали к культурному строительству и старых специалистов. На фронте исторической науки они использовались, в частности, в области источниковедения, вспомогательных дисциплин. Широкие возможности в этом отношении открывали музеи⁸.

Историки М. М. Богословский, С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, В. А. Городцов, А. В. Орешников (ГИМ), М. Д. Приселков (ИБО) и многие другие работали в музеях. Большинство из них искренне хотели активно участвовать в культурном строительстве и искали новых путей в музейной работе. Однако в первые годы Советской власти эти историки объективно оставались на позициях буржуазной исторической науки, что не могло не отразиться на деятельности музеев, где они работали.

При всем различии музейно-методических принципов, программы указанных выше двух крупнейших музеев строились в начале 1920-х годов на общей методологической основе, под большим влиянием историко-бытового направления в русской буржуазной историографии. Оба музея были определены как музеи быта, а не как общеисторические музеи. Изучение быта предполагалось ограничить материальным бытом (которому противопоставлялся «духовный» быт). Понятие «быт» искусственно разделялось на ряд категорий — «домашний», «общественный», «государственный». Основным объектом деятельности музеев признавался «домашний» быт разных слоев общества, а единственным полноправным предметом в музее — вещественный памятник. Письменные источники и изобразительные материалы предполагалось использовать как вспомогательный источник при изучении и экспонировании вещей. Следует отметить, что эти положения принимались не единогласно и не безоговорочно и были предметом длительных дискуссий⁹. Сами фонды музеев противоречили установленному профилю. Складывавшиеся в течение многих лет и пополнявшиеся в первые послереволюционные годы собраниями коллекционеров и естественно сложившимися бытовыми комплексами, они включали и изобразительные материалы и письменные источники, имевшие отнюдь не вспомогательное значение. Выходили за рамки «материального быта» и научно-исследовательские интересы сотрудников этих музеев.

Развитие советской исторической науки, новая проблематика, выдвинутая вновь созданными научными институтами, новыми программами высших учебных заведений, не могли не повлиять на содержание научной деятельности ГИМ и ИБО. С середины 20-х годов оба музея ставят новую задачу — «изучение судеб труда и капитала». Фонды этих музеев были богаты материалом по быту господствующих классов, в основном дворянства. ИБО в первые годы своего существования собрал значительные коллекции по купеческому быту. С середины 20-х годов

⁸ См. об этом Г. Д. Алексеева. Возникновение советской исторической науки, «История СССР», 1960, № 1, стр. 102—103.

⁹ «Отчет Гос. Исторического музея за 1916—1925 гг.», прил. 1; Ведомственный архив Гос. Исторического музея, № 90; протоколы заседаний Комиссии по реорганизации ГИМ; М. Д. Приселков. Историко-бытовые музеи, Л., 1926, стр. 8; Его же. Купеческий бытовой портрет XVIII—XX вв., Л., 1925, стр. 8—9; «Очерки истории музейного дела в России», вып. II, М., 1960, стр. 310; «Вопросы истории музейного дела в СССР», вып. IV, М., 1962, стр. 238.

оба музея стали уделять особое внимание сбору материалов по истории рабочего быта. Уральские экспедиции (ГИМ), ознакомление с бытом ленинградского пролетариата (ИБО) дополнили эти музеи коллекциями, интересными не только для изучения истории России, но и для решения вопросов преобразования быта советских рабочих¹⁰.

Развивалась и издательская деятельность музеев. В научных исследованиях сотрудников музеев в большинстве своем изучались предметы материальной культуры и искусства с древнейших времен (ГИМ) и до середины XIX в. Однако в работах середины 20-х годов заметен растущий интерес к социально-экономической тематике. Таковы «Очерки по истории торговли и промышленности в России XVII—нач. XVIII веков» («Труды ГИМ», вып. IV, М., 1928). Такова серия работ ИБО, из которых наиболее интересны исследования поставленной советской исторической наукой проблемы расслоения деревни и формирования капиталистических отношений¹¹. Для историков пролетариата интерес может представить разработанная ИБО программа изучения «дооктябрьского быта рабочих»¹². И хотя буржуазный объективизм со свойственной ему описательностью и отказом от обобщений остается в целом характерной чертой этих изданий, многие из них были ценным вкладом в историческую науку и не потеряли своего значения до сих пор.

Существенные поправки в программы музеев вносили требования, предъявляемые к ним как к культурно- и политико-просветительным учреждениям¹³. Это касалось в первую очередь экспозиционной работы. Музейная экспозиция должна была приобщать массы к культуре, учить. На выставке ГИМ «Из эпохи крепостного хозяйства XVIII и XIX вв.»¹⁴ была сделана попытка объединить разнообразный материал, относящийся к определенному историческому событию или явлению, т. е. отказаться от систематической или типологической экспозиции и стать на путь создания экспозиции, получившей в советском музееведении название «тематической». Однако это были лишь искания. Музей в целом почти до конца 1920-х годов оставался на старых методических позициях. Об этом свидетельствовала созданная в 1927 г. к десятилетию Великой Октябрьской революции выставка «Быт Московской Руси XVI—XVII веков»¹⁵, в которой ГИМ решительно отказался от тематического принципа. Первоклассные образцы памятников культуры размещались в систематическом порядке и в хронологической последовательности по отраслям материальной культуры.

Вводный зал, где были помещены научно-вспомогательные материалы на темы социально-экономического развития Московского государства XVII в., не менял общего лица выставки. В целом она была очень полезна для специалистов, но, несмотря на отдельные интересные и новые приемы экспонирования, не отвечала задачам массово-просветительной работы музея.

¹⁰ «Отчетная выставка работ Уральской историко-бытовой экспедиции ГИМ 1925, 1926 и 1927 гг.», М., 1927; Ведомственный архив Гос. Русского музея, № 794, 795; «Вопросы истории музейного дела в СССР», вып. IV, стр. 249.

¹¹ «Труды Гос. Исторического музея», вып. 1, 2, 3, М., 1926; вып. 4, 1928; вып. 5, 1929; «Записки Историко-бытового отдела Гос. Русского музея», т. 1, М., 1928; т. 2, 1932. См. также издания Историко-бытового отдела 1926 г.: А. Степанов. Крестьяне-капиталисты; П. Фейнштейн. Село Павлово в начале XIX в., и др.

¹² Е. В. Медведев. Изучение и экспозиция дооктябрьского быта фабрично-заводских рабочих, ж-л «Экономика», 1925, № 10.

¹³ XIII съезд партии рекомендовал особое внимание уделять методике агитационно-пропагандистской работы, добиваться максимальной ее конкретности. Музеи могли оказать в этом существенную помощь.

¹⁴ См. путеводитель по выставке «Из эпохи крепостного хозяйства XVIII в.», под ред. Ю. В. Готье и Н. Б. Бакланова. М., 1926; Отдел письменных источников ГИМ, ф. Главнауки, п. 35, лл. 25—30.

¹⁵ «Быт Московской Руси 16—17 вв.». Спутник по выставке, М., 1927.

Иные методические принципы выдвинул Историко-бытовой отдел Русского музея, где основным объектом изучения и показа стал «историко-бытовой комплекс» — интерьер. ИБО дал ряд блестящих образцов научной реконструкции интерьеров, которые пользовались заслуженным успехом у посетителей. Демонстрацию серии интерьеров, относящихся к разным историческим периодам, противопоставление интерьеров разных социальных групп авторы экспозиции считали достаточным для характеристики общественных отношений. На самом деле увлечение чисто внешней стороной быта, искусственный отрыв его от общеисторического процесса в целом, от системы производственных отношений приводили к искажению действительной картины прошлой жизни, обедняли идейное содержание экспозиции, в частности, оставляли вне поля зрения все исторические источники, кроме вещественных. Уже к концу 20-х годов Отдел приходит к выводу о необходимости создавать наряду с бытовыми ансамблями тематические экспозиционные комплексы, посвященные историческим событиям и явлениям¹⁶.

Обострение классово-борьбы в конце 20-х годов потребовало от музеев значительно более активного участия в политическом воспитании масс, выдвижения наиболее актуальных вопросов, связанных с задачами социалистического строительства и культурной революции. Теоретические позиции и практика работы обоих ведущих исторических музеев не отвечали этим требованиям. Необходима была коренная перестройка всей их деятельности. В конце 1929 — начале 1930 г. в Историческом музее был обновлен состав руководящих научных кадров, изменена программа работ. ГИМ должен был стать общеисторическим музеем (а не музеем быта), его новая структура исходила из учения об общественно-экономических формациях. Музей должен был изучать и отражать в своих экспозициях историю всей страны, включая и современность¹⁷. В том же направлении происходила реорганизация и Историко-бытового отдела¹⁸.

По-иному развивались музеи нового типа — историко-революционные, не имевшие ни предшественников, ни складывавшихся годами традиций. Они были созданы для того, чтобы увековечить память о героической борьбе за свержение самодержавия, за победу социалистической революции и содействовать укреплению и развитию нового, советского строя. Особый интерес представляет история Музея революции СССР.

Тесно связанный с деятельностью Центрального и Московского Истпарта, а в дальнейшем с Институтом В. И. Ленина, новый музей уже во второй половине 20-х годов превратился в научно-методический центр для всей сети историко-революционных музеев.

Организатором музея и его бессменным директором с момента основания до 1933 г. был старый революционер-большевик С. И. Мицкевич. Всю свою энергию и знания он посвятил созданию музея, с полным основанием считая это дело неотъемлемой частью социалистического строительства. Под его руководством сплотился научный коллектив, серьезные исследовательские интересы которого сочетались с музейно-методическими исканиями и стремлением к обобщению своего опыта¹⁹.

Внимательно изучая опыт крупнейших музеев исторического профиля, в особенности Ленинградского музея революции, Музей революции СССР занялся выработкой своей программы. В первую очередь был

¹⁶ М. Д. Приселков. Купеческий бытовой портрет XVIII—XX вв.; Его же. Труд и быт крепостных. Выставка ИБО Гос. Русского музея в Фонтанном доме, Л., 1927.

¹⁷ «Очерки истории музейного дела в России», вып. II, стр. 346—347.

¹⁸ «Вопросы истории музейного дела в СССР», вып. IV, стр. 267 и след.

¹⁹ Ведущую роль в разных отраслях деятельности музея в первые годы его существования играли Н. М. Дружинин, Б. Я. Закс, О. А. Иванова, Н. В. Романовская, Р. Н. Фрумкина. С 1930 г. заместителем директора по научной части был А. В. Шестаков.

определен профиль музея как «научного учреждения агитационно-пропагандистского характера». Итогом его научной работы должна была являться экспозиция, имеющая «основной своей задачей наглядное отображение истории революционного движения на территории бывшей России, последовательного развития ВКП(б) и международного коммунистического движения»²⁰.

Опираясь на разработанную в эти годы программу по истории Коммунистической партии для вновь созданного в Московском университете факультета общественных наук²¹, музей в первую очередь определил структуру экспозиции. Имевшиеся в ней ошибки были свойственны исторической науке того времени. В структуре не выделен ленинский этап в истории революционного движения; первая русская революция датируется 1905—1906, а не 1905—1907 гг.; не отмечено начало нового подъема революционного движения, не четко разграничены отделы Февральской и Октябрьской революций и т. д.

Серьезные принципиальные ошибки имелись и в методологических позициях руководства музея. Неясная формулировка — «Российская революция выявляется как единый диалектически развивающийся процесс» — основывалась на непонимании марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, о принципиальном различии между буржуазной и пролетарской революцией, об особенностях социалистической революции. Тезис «прообразом Октябрьской революции было Пугачевское восстание», так же как характеристика «теперешнего строя» как «осуществления мечты Ткачева» и утверждение, что истоки марксизма в России лежат в народническом движении²², являются ярким выражением имевших распространение в те годы в корне ошибочных взглядов.

В результате серьезной научной работы всего коллектива музея, а также под воздействием критики историко-партийных научных учреждений музей находил пути к исправлению этих методологических ошибок.

В процессе практической работы неизбежно поднимались и методические вопросы. Наиболее острым и дискуссионным был в те годы вопрос о принципах и методах экспозиции. «Задача историко-революционного музея,— писал Н. М. Дружинин,— в предметной и строго систематизированной форме выявить перед массами закономерный ход революционного процесса, одинаково воздействуя на логически познавательную и на эмоциональную сферу зрителя»²³. Подробно развивая этот тезис в специальной статье, автор делает два основных вывода: «1) построение музейного плана должно быть историчным, опираться на хронологический принцип, выявлять факты в процессе их непрерывного развития, обращая главное внимание на моменты возникновения, роста и перехода явлений в следующую фазу; 2) подбор, расположение и истолкование экспонатов должны определяться руководящими точками зрения, заранее установленными и заключающими в себе определенное понимание историко-революционного процесса»²⁴. С созданием тематической экспозиции было неразрывно связано определение типов материалов, экспонируемых в музеях. Н. М. Дружинин подчеркивал, что «центральное место в историко-революционных музеях должны занимать подлинные остатки революционного прошлого». Под «подлинными остатками» он имеет в виду не только вещественные реликвии,

²⁰ Музей революции СССР (далее: МР), научный архив, № 382, л. 1, 1926 г.

²¹ Одним из авторов этой программы был С. И. Мицкевич.

²² С. И. Мицкевич. Сообщение о Музее революции, «Пролетарская революция», 1924, № 8—9; Егo же. «Русские якобинцы», «Пролетарская революция», 1923, № 6—7.

²³ Архив Н. М. Дружинина. Материалы о работе в Музее революции. Тезисы доклада «Методы экспозиции историко-революционных материалов», 1928, п. 1, л. 132.

²⁴ МР, Сб. 1, М., 1927, стр. 30.

но и документальные изобразительные материалы, рукописи, печатные произведения²⁵.

Так на основе обобщения опыта работы коллектива Музея революции СССР, а также и других музеев исторического профиля создавалась теория построения тематической экспозиции, которая и до сих пор принята советским музееведением.

К середине 1928 г. в Музее революции была построена экспозиция, которая начиналась с показа крестьянских войн XVII в. и завершалась отделами современности и Коминтерна. Она пользовалась очень большой популярностью. Посещаемость музея неуклонно росла. За 1923/24 г. его посетило 36 500 человек, за 1925/26 г. — 40 802 человека (в пять раз больше посетителей, чем было в Гос. историческом музее). За 1927/28 г. в Музее революции побывало почти 40 000 человек²⁶.

1929—1930 гг. были значительным рубежом в деятельности Музея революции СССР. Экспозиции, созданные в 1927—1928 гг., отстали от задач, поставленных перед страной в период развернутого наступления социализма по всему фронту. Комиссия Института В. И. Ленина, отмечая большие заслуги Музея революции, указала на элементы объективизма и ошибки в освещении отдельных этапов истории революционного движения и ряда историко-партийных вопросов, на недостаточную политическую заостренность показа и слабую связь с современностью, на малый размах массовой работы²⁷. В направлении, указанном Комиссией, проводилась перестройка работы музея.

В конце 1930 г. был созван первый Всероссийский музейный съезд²⁸. Съезд исходил из правильных посылок о необходимости поставить работу советских музеев на марксистскую основу, сделать их «инструментом культурной революции». Вместе с тем в его решениях отразились и свойственные тому времени методологические и музейно-методические ошибки. Борясь с безыдейным показом музейных предметов, съезд предложил «показ вещей» заменить «показом идей».

Игнорирование принципа «предметности» открывало широкие возможности для применения быющих в глаза декоративных оформительских приемов, подменявших показ подлинных исторических памятников. На второй план отошла научно-исследовательская работа, в особенности изучение отдельных исторических памятников — область, в которой музеи имели особенно большие достижения. Новая общеисторическая экспозиция ГИМ и ИБО была построена в соответствии с трудами М. Н. Покровского. Это было, с одной стороны, значительным шагом вперед, поскольку Покровский в своих работах несомненно исходил из марксистского понимания исторического процесса и активно боролся с буржуазной историографией. Однако и в «Русской истории в самом сжатом очерке», которая нередко использовалась как единственное и обязательное учебное пособие, и в специальных трудах Покровского имелись серьезные ошибки. Некритический подход музейных работников к этим трудам приводил в ряде случаев к неправильным трактовкам событий, к схематичности, отвлеченному социологизированию и односторонности показа. Уход от «предметности» экспозиции проявился в наиболее острой форме в Музее революции СССР, а также в других историко-революционных музеях. Их залы стали заполняться вспомога-

²⁵ Архив Н. М. Дружинина, п. 1, л. 139.

²⁶ Архив Музея революции СССР, фонд С. И. Мицкевича, № 28, 26907/1048, 1928; Н. В. Романовская. Музейные историко-революционные экскурсии, МР, Сб. 1; книги записей впечатлений. Научный архив, д. 151, 153, 157, 158.

²⁷ МР, ф. 28, 26907/860, 1929, лл. 1—4.

²⁸ См. «Труды Первого Всероссийского музейного съезда», т. I—II, Л., 1931. На пленуме съезда выступали директор ГИМ Ю. К. Милонов с докладом «Принципы построения обществоведческих музеев» и зам. директора МР СССР А. В. Шестаков с докладом «Марксизм-ленинизм в экспозиции музеев революции».

тельными материалами. Широкое распространение получили театрализация, применение символических конструкций, использование подлинных исторических памятников для создания диаграмм и сатирических плакатов — приемы, свидетельствующие о недооценке этих памятников. В результате посещаемость Музея революции резко снизилась²⁹, что свидетельствовало о неправильном направлении его работы.

Будущее показало, что это были «болезни роста». Проведенная в конце 1920-х и начале 1930-х годов реорганизация, положившая в основу деятельности исторических музеев учение об общественно-экономических формациях, открыла пути к построению экспозиций на научной основе. В итоге дискуссий по ряду проблем, связанных с историей революционного движения (о сущности народничества, о «перерастании революции», о союзниках пролетариата и др.), пересматривается идейное содержание экспозиции Музея революции СССР. Поставленные перед историческим фронтом задачи изучения империализма и международного рабочего движения обусловили включение в экспозицию новой тематики. Впервые в музее была представлена тема «История социалистического строительства 1921—1932 гг.». Значительно расширился и пополнился отдел Коминтерна³⁰. Большую помощь, особенно в собирании материалов, оказывало созданное в 1931 г. Всесоюзное общество друзей Музея революции СССР (ВОДМР).

Необходимость пересмотра музейно-методических задач стала особенно ощущаться в связи с изменениями на историческом фронте. Наметился поворот в сторону систематического изучения и анализа исторических событий и явлений в связи с конкретной исторической обстановкой. Это повысило интерес к научно-исследовательской работе в музее³¹. С 1932 г. в сборниках Музея революции появляются публикации документов, хранящихся в фондах музея, статьи по актуальным проблемам истории советского общества³². Изменяется отношение к историческому памятнику. Начатая еще в 20-х годах разработка методов изучения историко-революционных реликвий продолжается и углубляется³³. Работа эта выходила за пределы чисто музееведческих интересов, способствовала введению в научный оборот новых исторических источников.

Подобные тенденции, характерные и для других музеев исторического профиля, предвещали коренные изменения в их деятельности.

Постановления партии и правительства 1934—1936 гг. наметили дальнейшие пути советской исторической науки. Вместе с нею советские исторические музеи вступили в новый этап развития, характеристика которого выходит за пределы данной статьи.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7668, оп. 1, д. 216, л. 13; д. 1382, л. 11.

³⁰ Там же, д. 438, 635. Справочник МР, вып. III, 1932; вып. VI, 1934.

³¹ МР, Сб. 5, 1933; А. В. Шестаков. Методика научного исследования историка — музейного работника; Н. Знаменский. Музей революции СССР как научно-исследовательское учреждение.

³² МР, Сб. 3, 4, 1932. Статьи и публикации Н. Дружинина, О. Ивановой, Б. Закса, Н. Кизичева, Е. Луцкого, З. Прокофьевой, Т. Ремизовой и др.

³³ Архив Н. М. Дружинина, п. 1, лл. 118—129; п. 2.